

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
**«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А.А. КУЛЕШОВА»**

Э.В. Котлярова, О.Н. Тугай

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВЫХ ЯВЛЕНИЙ И ТЕРРОРИЗМА

Методические материалы
к курсу лекций

Могилев 2008

УДК [159.9:32·

ББК 88.5

К73

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
МГУ им. А.А. Кулешова*

Рецензент

кандидат психологических наук

МГУ им. А.А. Кулешова

Ж.А. Барсукова

Котлярова, Э.В.

К73 Психология массовых явлений и терроризма: метод. мат-лы к курсу лекций / Э.В. Котлярова, О.Н. Тугай. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2008. – 32 с.

Как образуется агрессивная толпа и как ею манипулируют? Возможно ли противостоять массовой панике до и после того как она возникла? Каким образом распространяются слухи, как научиться их предупреждать и устранять? Что такое «грязные технологии» и «черный Пи Ар»?

СТИХИЙНОЕ МАССОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стихийное массовое поведение (англ. — *collective behavior*) — несколько расплывчатый термин социальной и политической психологии, которым обозначают различные формы поведения толпы, циркуляцию слухов, иногда также моду, коллективные мании, общественные движения и прочие «массовидные явления». Чтобы приблизительно очертить предметное поле, охватываемое этим понятием, выделим следующие признаки: вовлеченность большого количества людей, одновременность, иррациональность (ослабление сознательного контроля), а также слабую структурированность, т.е. размытость позиционно ролевой структуры, характерной для нормативных форм группового поведения.

Систематическое изучение таких феноменов началось во второй половине XIX в. В различных странах Западной Европы независимо сложились две научные школы: немецкая психология народов (М. Лацарус, Г. Штейпаль, В. Вундт) и франко-итальянская психология масс (Г. Лебон, Г. Гард, В. Парето, Ш. Сигеле).

Советские историки обычно указывали на то, что каждая из этих школ выполняла «социальный заказ», продиктованный положением политической элиты соответствующих стран. Например, быстро усиливающаяся германская буржуазия подросла на «пир империалистических хищников» (В.И. Ленин) к тому моменту, когда все блюда были уже распределены: мощная Германия не владела колониями, в отличие от слабеющих Франции, Испании или Португалии. Надвигалась эпоха борьбы за передел мира, и немецкие лингвисты и этнографы приступили к скрупулезному исследованию языков, культуры и мифологии первобытных народов, стремясь, таким образом, выявить их психологические особенности, национальный дух и «коллективное бессознательное». Само собой разумелись и дополнительно доказывались превосходство европейского (в ряде случаев, конкретно нордического) духа и необходимость разумного управления «доисторическими» или просто «отсталыми» народами.

Французскую политическую элиту к тому времени гораздо больше волновало нараставшее в стране революционное движение. По выражению современного ученого С. Московичи, «революции и контрреволюции следовали одна за другой: и террору, и разрушениям, казалось, не будет конца». Поэтому интерес ученых концентрировался на свойствах толпы, механизмах коллективной агрессии и т.д. Задачи состояли в том, чтобы, во-первых, доказать антисоциальную, антигуманную и деструктивную сущность человеческой массы как таковой (в их текстах понятия «масса» и «толпа» еще синонимичны); во-вторых, обеспечить инструментарий для действенных манипуляций.

Такое (историко-материалистическое) объяснение содержания научных интересов справедливо лишь отчасти и в общем весьма односторонне. Нам же здесь важно не то, какой политической конъюнктуре отвечали первые исследования стихийного массового поведения, а то, что они обогатили наше знание о неосознаваемых мотивах и механизмах человеческих действий и заложили начало научных дисциплин, названных в последствии социальной и политической психологией.

В России конца XIX — начала XX вв. оригинальные исследования массовидных явлений проводили М.Г. Михайловский (субъективная социология), затем В.М. Бехтерев (коллективная рефлексология), Д.Л. Чижевский (гелиопсихология). В частности, Чижевский впервые изучал влияние солнечной активности и ее колебаний на динамику массовых политических настроений. В 20-е гг. были также получены интересные данные, касающиеся массового восприятия газетных сообщений (П.П. Блонский) и циркуляции слухов (Я.М. Шариф). В начале 30-х гг. А.Р. Лурия выявил национально-культурные особенности восприятия и мышления, причем, в отличие от немецких авторов, не с этноцентрических, а с эволюционных позиций.

Результаты работы Лурия удалось опубликовать лишь спустя 40 лет, но и тогда они во многом сохраняли новизну. В 30-е же гг. большая часть исследований в области социальной и политической психологии были сочтены неактуальными для социалистического общества и идеологически вредны ми. Особенно это касалось всего спонтанного, стихийного и слабо осознаваемого. Сами понятия «социология», «социальная психология» и, тем более, «политическая психология» были объявлены буржуазными извращениями. Если их предмет и сохранял какой-то интерес для властей, то только в плане исследования сплочен-

ных трудовых коллективов, жестко иерархизированных и руководствующихся указаниями Партии.

С конца 20-х по начало 70-х гг. лишь несколько работ по обозначенной тематике были опубликованы в СССР, причем в основном на грузинском языке, поскольку психологи Грузии, широко используя понятие установки Д.Н. Узнадзе, зарезервировали себе право рассуждать о неосознаваемых факторах человеческого поведения. В частности, в 1943 г. на грузинском, а в 1967 г. на русском языке вышла большая и яркая статья А.С. Прангишвили о массовой панике.

В обыденном представлении хаос, беспорядок — это и отсутствие закономерностей, и неуправляемость. Между тем, сегодня ученые на разнообразном материале показали, что все не столь однозначно. Хаос и порядок относительны. Хаос всегда по-своему детерминирован и чем хаотичнее система, тем более простым закономерностям она подчиняется. И тем легче ею управлять — разумеется, коль скоро задача управления достаточно элементарна.

Иллюзия неуправляемости возникает тогда, когда мы с простой системой пытаемся обращаться, как со сложной, и наши воздействия оказываются бесполезными. Завзятому горожанину трудно понять, как деревенский пастух управляет большим стадом. Государственный деятель растеряется, если ему доверить детсадовскую группу детей, с которой привычно справляется опытная воспитательница. Академик, умело руководящий научным коллективом, окажется беспомощным в компании бомжей, а если он не врач-психиатр, то любой санитар даст ему сто очков вперед в умении работать с соответствующим «контингентом» больных. Другими словами прострой глупой системой управлять легче (этому меньше надо учиться), чем сложной и умной, для этого требуются более простые приемы, которыми, однако, тоже нужно владеть.

Сказанное имеет прямое отношение к нашему предмету. В толпе «человек опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации» (Г. Лебон) и становится доступен для элементарных манипулятивных воздействий. Поведение толпы или циркулирующий слух кажутся процессами, лишенными закономерностей, и нерегулируемыми постольку, поскольку большинство из нас привыкли иметь дело с организованными группами, где уместны рациональные доводы, согласование мнений или хотя бы формальный приказ. В стихийном массовом поведении реализуются более примитивные механизмы и закономерно-

сти. Кто знает о них и обладает необходимыми навыками, способен управлять событиями. Цели, которые он при этом преследует, достаточно часто оказываются деструктивными. Но, как всякое оружие, политические технологии амбивалентны, и владение приемами регуляции стихийных процессов конструктивно необходимы сегодня во многих профессиях.

Это относится, конечно, не только к экстремальным ситуациям, но ко всей общественной жизни. В комплексе задач политической психологии: объяснительная, прогностическая, проективная, инструментальная и воспитательная. Чем лучше мы знаем о механизмах своего поведения, в том числе иррациональных, и о приемах манипулирования, тем труднее нами манипулировать. И чем больше людей знакомы с азами политической психологии, тем устойчивее общество.

ТОЛПА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕЕ ПОВЕДЕНИЯ. ПОНЯТИЕ ТОЛПЫ. МЕХАНИЗМЫ ПОВЕДЕНИЯ ТОЛПЫ

В обыденном языке «толпой» называют большое количество людей, находящихся одновременно в одном месте. Хотя интуитивно мы не назовем этим словом марширующее армейское подразделение или бойцов, организованно штурмующих (равно как и обороняющих) укрепленный пункт, публику, собравшуюся в консерватории на симфонический концерт, бригады, работающие на крупной стройке, сотрудников учреждения на плановом профсоюзном собрании и т.д. и т.п.

Терминологически не совсем верно называть толпой и прохожих на людной городской улице. Но вот на улице произошло что-то необычное. Неожиданно появились скоморохи или артисты, выступающие с представлением. Или, как бывало в добрые советские времена, на уличный прилавок «выбросили» дефицитный товар. Или человек выпал из окна и разбился. Или пошел сильный ливень. Или началась бандитская разборка со стрельбой, произошел мощный взрыв... Если ситуация развивается по какому-то из подобных сценариев, завлекательных, драматических и даже катастрофических, может возникнуть особый социально-психологический феномен, который, при всем многообразии его

форм, имеет общие черты, отличающие толпу от организованных форм социального поведения.

Исходя из этих предварительных соображений, примем ориентировочное исходное определение. Толпа — скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием. При этом общей считается такая цель, достижение которой каждым из участников взаимодействия положительно зависит от достижения ее другими участниками. Наличие такой цели создает предпосылку для сотрудничества. Если цель каждого достигается вне зависимости от достижения или недостижения ее остальными, то взаимодействие отсутствует или оно минимально (при появлении второстепенной общности целей: например, веселее провести время в ожидании). Наконец, если зависимость достижения одной и той же цели субъектами отрицательна, складывается предпосылка для конфликта.

В толпе цели людей всегда одинаковые, но обычно не бывают сознательно общими, а при их пересечении возникает острейшее отрицательное взаимодействие. Например, при массовой панике каждый страстно желает спастись, в стихийной толпе каждый стремится что-то приобрести, и все друг для друга являются помехой. Поэтому, используя социологические категории «агрегата» (неструктурированного множества индивидов) и «группы» (единого субъекта деятельности), толпу следует отнести к первой категории. Но, разумеется, различие между ними не дискретно. При некоторых условиях люди, отличающиеся от остальных определенными чертами (этнос, сословие и т.д.) способны осознать единство интересов и объединиться в историческую или политическую общность; и, наоборот, слаженно действующий социальный субъект может раствориться в большем социуме.

Толпа иногда способна структурироваться и приобрести групповое качество, а организованная группа (чаще) — деградировать в толпу. Иногда ситуативная общность сочетает в себе настолько разнородные свойства, что не может быть однозначно отнесена к той или иной категории и занимает на шкале «группа — агрегат» промежуточное положение. Например, хорошо организованная массовая демонстрация (вспомним советские праздничные шествия по Красной площади) несет в себе в равной мере признаки группы и толпы. Перерожде-

ния группы в толпу и обратно также относятся к сфере обсуждаемой проблемы.

Соотношением системных и агрегатных качеств (от греч. *gregus* — стадо) во многом определяется и решение старого спора между социальными психологами о том, что группа или индивид склонны к более экстремальным решениям. Пока в группе преобладают нормативные отношения, она сглаживает экстремистские настроения своих членов и принимает более взвешенные решения; когда же начинают преобладать свойства толпы, мышление радикализируется.

По свидетельству С. Московичи, еще древнегреческий политик Солон утверждал, что каждый афинянин — хитрая лисица, а народное собрание в Пниксе — стадо баранов. Это подтвердили и римляне: *Senatores omnes boni viri. senatus romanus mala bestia* (все сенаторы мужи достойные, а римский сенат — злобный зверь). Г. Лебон указывал на то, что парламенты часто превращаются в толпу, и мы до сих пор наблюдаем подобное по телевизору. Русская поговорка: «Мужик умен, да мир дурак» — передает ту же мысль о потере личностью в массе здравого смысла.

ЦИРКУЛЯРНАЯ РЕАКЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Метаморфоза обуславливается специфическими эффектами, которые суть механизмы образования толпы. Выявлены два основных механизма: слухи и эмоциональное окружение (синоним — циркулярная реакция). О слухах речь далее пойдет отдельно, потому здесь рассмотрим механизм эмоционального окружения.

Представьте себе полный зал, где рассказан очень смешной анекдот и все громко смеются. Вы только что вошли и не слышали шутку, однако общее настроение захватывает и вы от души смеетесь вместе со всеми. Это самый простой и безобидный пример взаимного заражения, который и называют циркулярной реакцией.

Впрочем, даже заразительное веселье не всегда бывает совершенно безобидным. У театральных актеров бытует жаргонное выражение: «повело». Оно означает такую неприятную ситуацию, когда в самый драматический момент спектакля кому-то из участвующих в сцене «попала в глаз смешинка». Актер «прыскает от смеха». Это совершенно

неуместное состояние передается партнерам и сценическое действие разрушается...

Итак, циркулярная реакция — это взаимное заражение, т.е. передача эмоционального состояния между организмами на психофизиологическом уровне. Разумеется, циркулировать может не только веселье, но и, например, скука (если кто-то начинает зевать, такое же желание испытывают окружающие), а также изначально более зловещие эмоции: страх, ярость и т.д.

Для лучшего понимания того, что такое циркулярная реакция, целесообразно сравнить ее с коммуникацией — контактом между людьми на семантическом уровне. При коммуникации имеет место та или иная степень взаимного понимания, взаимной интерпретации текста. Участники такого процесса приходят или не приходят к согласию, но в любом случае каждый остается самостоятельной личностью. Человеческая индивидуальность формируется в коммуникационных связях и во многом зависит от многообразия смысловых каналов, в которые человек включен, а также смысловых значений воспринятого.

С другой стороны, эмоциональное окружение стирает индивидуальные различия. Ситуативно снижается, роль личностного опыта, индивидуальной и ролевой идентификации, здравого смысла. Индивид чувствует и поведенчески реагирует «как все». Происходит эволюционная регрессия: актуализуются низшие, исторически более примитивные пласты психики.

«Сознательная личность исчезает, — писал по этому поводу Г. Лебон, — причем чувства всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимает одно и то же направление». Поэтому в «толпе может происходить только накопление глупости, а не ума». То же наблюдение можно встретить в трудах других исследователей: «Похоже, достаточно оказаться вместе большой массе, огромному множеству людей для того, чтобы все моральные достижения составляющих их индивидов тотчас рассеялись, а на их месте остались лишь самые примитивные, самые древние, самые грубые психологические установки» (З. Фрейд).

У человека, охваченного эмоциональным окружением, повышается восприимчивость к импульсам, источник которых находится внутри толпы и резонирует с доминирующим состоянием, одновременно снижая восприимчивость к импульсам извне. Соответственно усиливаются

ся барьеры против всякого рационального довода. В такой момент попытка воздействовать на массу логическими аргументами может оказаться несвоевременной и просто опасной. Здесь необходимы другие приемы, адекватные ситуации, и если вы ими не владеете, то лучше держаться от толпы подальше.

Более того, циркулярная реакция, как всякий социальный и психологический феномен, не является однозначно негативным фактором. Она сопровождает любое массовое мероприятие и групповое действие: совместный просмотр спектакля или фильма, дружеское застолье, боевую атаку (с криками «Ура!»), воинственным визгом и прочими атрибутами), деловое или партийное собрание и т.д. и т.п. В жизнедеятельности первобытных племен процессы взаимного заражения перед сражением или охотой выполняли важнейшую роль. До тех пор, пока эмоциональное окружение остается в рамках определенной, оптимальной для каждого конкретного случая меры, оно служит сплочению и мобилизации и способствует усилению интегральной эффективности группы (психологи называют это фасцинацией). Но, превысив оптимальную меру, этот фактор оборачивается противоположными эффектами. Группа вырождается в толпу, которая становится все менее управляемой при помощи нормативных механизмов и вместе с тем все легче подверженной иррациональным манипуляциям.

Вероятность возникновения циркулярной реакции возрастает в периоды социальной напряженности. Логично было бы полагать, что напряженность, в свою очередь, возникает тогда, когда обстановка объективно становится очень плохой. Однако исследования историков и психологов показывают, что это не всегда так. Еще великий французский ученый XIX в. А. де Токвиль указал на то, что революционному кризису обычно предшествует длительный период повышения экономических и политических показателей (объем политических свобод, доступ к информации, перспектива вертикальной мобильности и т.д.). Например, уровень жизни французских крестьян и ремесленников перед началом Безликой французской революции был самым высоким в Европе; к началу антиколониальной революции в Северной Америке это были самые богатые и хорошо управляемые колонии мира и т.д. Параллельно росту возможностей растут потребности и ожидания людей. В какой-то момент рост объективных показателей сменяется их относительным снижением (очень часто — вследствие неудачной войны, затеян-

ной правителями, которые также поддались общей эйфории). На фоне ожиданий, продолжающих по инерции расти, это оборачивается массовой фрустрацией, а последняя, в свою очередь, агрессивными и (или) паническими настроениями.

ВИДЫ ТОЛПЫ

Большое количество наблюдений и специальных исследований позволили выделить четыре основных вида толпы с соответствующими подвидами.

Окказиональная толпа (от англ. *occasion* — случайность) — скопление людей, собравшихся поглазеть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная из ситуаций стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку, горожанину или жителю села.

Конвенциональная толпа (от англ. *convention* — условность) собирается по поводу заранее объявленного события: петушинные или собачьи бои, боксерский или футбольный матч, митинг, концерт рок группы и т.п. Здесь уже преобладает более направленный интерес, и люди до поры (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать определенным условностям (конвенциям).

Не следует путать конвенциональную толпу с публикой, собравшейся в драматическом, оперном театре, в консерватории и проч. Терминологическое различие вызвано, конечно, не тем, что психологи любят классику больше, чем рок — оно важно по существу и в функциональном отношении.

На концерт, скажем, симфонического оркестра и рока люди приходят с разными установками. Различны и сценарии вероятного развития событий и организаторы по-разному к ним готовятся.

Конечно, если во время симфонического концерта в здании начнется сильный пожар или взорвется заложенная террористами бомба, может возникнуть массовая паника. Но такая вероятность обычно невелика, и свести ее к нулю — задача пожарной и охранной служб. Организаторы же рок концерта обязаны учитывать, что имеют дело с толпой, которая формируется как конвенциональная, но, в силу общего свойства толпы как таковой непременно примет другие

формы. Организаторы должны уметь это прогнозировать и владеть адекватными приемами воздействия, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Экспрессивная толпа (от англ. *expression* — выражение), ритмически выражающая ту или иную эмоцию: радость, энтузиазм, возмущение и т.д. Как видим, спектр эмоциональных доминант здесь очень широк, а главная отличительная черта — ритмичность выражения.

Легко догадаться, что речь идет о людях, скандирующих лозунги на митинге или манифестации, громко поддерживающих любимую команду или клеймящих судью на стадионе, танцующих на карнавале и т.д. В ряде случаев процесс ритмического выражения эмоций может принять особенно интенсивную форму, и тогда возникает особый феномен массовый экстаз.

Экстатическая толпа (от англ. *ecstasy* — экстаз) — экстремальная форма экспрессивной толпы. В экстазе люди самозабвенно истязают себя цепями на шиитском религиозном празднике «шахсей-вахсей», доводят себя до невменяемости под нарастающий ритм неистового моления в секте трясун или в танце на бразильском карнавале, рвут на себе одежду в ритме рока... Смертоносная пляска Святого Витта в Италии XIV века — из того же феноменологического ряда.

Действующая (*active*) толпа — политически наиболее значимый и опасный вид коллективного поведения. В ее рамках, в свою очередь, можно выделить несколько подвидов.

Агрессивная (*aggressive*) толпа, эмоциональная доминанта которой ярость, злоба, равно как направленность действий прозрачно выражены в названии.

Паническая (*panic; saving*) толпа объята ужасом, стремлением каждого избежать реальной или воображаемой опасности. Далее мы убедимся, что паническое поведение не только не является обычно спасительным, нош очень часто становится более опасным фактором, чем то, что ее спровоцировало.

Стяжательная (*greedy*) толпа — люди, вступившие в неорганизованный конфликт за обладание некоторой ценностью. Этот термин, в отличие от предыдущих, требует пояснений. Доминирующей эмоцией здесь обычно становится жадность, жажда обладания, к которой иногда примешивается страх. Стяжательную толпу подчас образуют брокер-

ры, когда на бирже пронесся слух о том, что какие-то акции быстро растут в цене. В советских городах, особенно провинциальных, возникали такие толпы («Даюг!»), когда на прилавок «выбрасывали» дефицитный товар. В парламентах наблюдается нечто подобное, когда депутаты с боем прорываются к трибуне, дабы высказать очередную высокоумную банальность.

Однако слово «стяжательная» (жадная) не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, которым доставили продовольствие, но не организовали четкое распределение. Или жители отдаленного района, которые утром спешат на работу при недостаточном обеспечении автобусного маршрута машинами. Или потенциальные пассажиры отъезжающей электрички, в которой явно не хватит мест и т.д.

Повстанческая (*rebellious*) толпа по ряду признаков сходна с агрессивной (преобладает чувство злости), но отличается от нее социально справедливым характером возмущения. Это также требует пояснений, поскольку понятие «социальная справедливость» выглядит здесь произвольным и не укладывающимся в операциональную схему. В действительности, однако, дифференциация повстанческой и агрессивной толпы столь же функционально полезна, как дифференциация конвенциональной толпы и публики.

Следует иметь в виду, что толпа справедливо возмущенных людей даже внешне выглядит иначе, чем «классическая» агрессивная толпа. А главное, она обладает несколько иными качествами. При наличии активного сознательного звена в нее может быть внесено организационное начало, и тогда повстанческая толпа превращается в сплоченную группу. В противном случае она может выродиться в более примитивную форму толпы. Хрестоматийным примером часто служит восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 году, но можно обратиться и к более свежим примерам. Кому приходилось наблюдать стихийный протест, забастовки, митинги в рабочих коллективах (в частности, забастовки шахтеров в России 1998 года), мог заметить, что они чаще всего не выливаются в массовые драки, погромы и прочие разрушительные действия. Профсоюзные комитеты выделяют ответственных лидеров, которым дается внести сознательную организацию в действия массы.

Представим классификацию толпы в виде простой схемы.

ВИДЫ ТОЛПЫ

1. Окказиональная	
2. Конвенциональная	
3. Окказиональная	3-а. Экстатическая
4. Действующая	
4-а. Агрессивная	
4-б. Паническая	
4-в. Стяжательная	
4-г. Повстанческая	

ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО ТОЛПЫ

Особое внимание обратим на то, что, приведенная классификация весьма условна. В практическом плане наиболее важное свойство толпы — превращаемость; коль скоро толпа образовалась, она способна сравнительно легко превращаться из одного вида (подвида) в другой.

Превращения могут происходить спонтанно, т.е. без чьего-либо сознательного намерения, но могут быть спровоцированы умышленно. На использовании свойства превращаемости и строятся по большей части приемы манипуляции толпой с теми или иными целями.

Самый элементарный пример, спонтанных превращений вспомнит всякий, кто бывал на футбольном матче. С началом игры конвенциональная толпа превращается в экспрессивную, и важнейшая задача организаторов — принять все необходимые меры, чтобы по ходу дела или

по окончании матча предотвратить ее превращение в агрессивную, в стязательную (когда тысячи возбужденных болельщиков одновременно устремляются к единственному выходу) или в паническую (спровоцированную дракой, пожаром, стрельбой и т.д.).

В 1982 г. в «Лужниках» популярная московская команда встречалась с зарубежным клубом. Результат был очень важным, но игра протекала довольно вяло. Зрители теряли интерес и, главное, надежду на то, что решающий гол их любимцами будет забит. Уже за 15-20 минут до окончания игры люди начали покидать трибуны, некоторые успели выйти за ворота, другие находились на пути к выходу. И вдруг, на последней минуте матча, долгожданный гол был-таки забит, вызвав бурную реакцию болельщиков. Успевшие покинуть стадион бросились обратно, чтобы принять участие в общем ликовании, и столкнулись в узком проходе с теми, кто под давлением задних рядов, по инерции продолжал двигаться к выходу. Это обернулось трагедией: десятки людей были задавлены насмерть...

В 1974 г. на другом, на сей раз крытом стадионе превращения происходили по несколько иному, но столь же трагическому сценарию. Шел товарищеский матч по хоккею между сборными молодежными командами СССР и Канады, причем один сектор на трибуне был полностью предоставлен канадским туристам. Советские и канадские болельщики реагировали дружелюбно, обменивались между собой веселыми и громкими, но односложными (проблема языка) комментариями.

Когда встреча уже приближалась к концу, из канадского сектора к советским секторам полетели красивые упаковки жвачки. Надо сказать, что жвачка, в то время считавшаяся атрибутом «буржуазного образа жизни», в нашей стране не производилась и не продавалась. Хотя москвичи уже хорошо знали о существовании этой «развращающей» продукции, кое-кому удавалось привезти по несколько брикетов из зарубежной командировки, выпросить у иностранца или подпольно купить у фарцовщика, а для детей это был самый желанный и труднодоступный подарок.

Канадцы наверняка знали о высокой ценности дешевой жвачки для советских обывателей. Были их действия жестом дружелюбия или намеренной провокацией, осталось неясным (да, похоже, никто и не пытался это выяснить). Но последовавшие события оказались позорными и страшными.

Наши болельщики, забыв о хоккее, устроили кучу-малу в отчаянной борьбе за каждый долетевший до них брикет. Тут же над головами канадцев засверкали фотоаппараты (снимки «русских дикарей за железным занавесом»), отчаянно сражающихся за упаковки жвачки, обошли потом западные газеты). Администраторы стадиона, в ужасе от происходящего, не нашли ничего лучшего, как полностью вырубить освещение в зале. Испуг от внезапной кромешной тьмы стал импульсом для превращения стяжательной толпы в паническую. В возникшей давке погибли люди, многие получили увечья...

ПРИЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И МАНИПУЛЯЦИИ

Известны приемы управляющего воздействия извне и изнутри. Чтобы в них разобраться, полезно обратить внимание на еще один специфический феномен, который называют географией толпы.

Как известно толпа, как таковая, не обладает позиционно-ролевой структурой и в процессе эмоционального окружения она гомогенизируется. Вместе с тем в толпе часто образуется свой параметр неоднородности, связанный с неравномерной интенсивностью циркулярной реакции. География толпы (особенно отчетливо фиксируемая при аэрофотосъемке) определяется различием между более плотным ядром и разряженной периферией. В ядре аккумулируется эффект эмоционального окружения, а оказавшийся там сильнее испытывает его влияние.

Например, типичная картина массовых погромов такова. Непосредственными насильниками и убийцами оказывается сравнительно небольшая часть индивидов, составлявших толпу. Другие их активно поддерживают (поощрительными выкриками, улюлюканьем и т.д.), еще больше людей поддерживают пассивно, а на самой периферии — досужие зеваки; там уже обнаруживаются, скорее, свойства окказиональной толпы. Но вся эта масса придает ядру силу мотивации, дополненную ощущением анонимности и безнаказанности...

Поэтому психологическое воздействие на толпу извне мы обычно рекомендуем нацеливать на периферию, внимание которой легче переключается. Для воздействия же изнутри агентам следует проникнуть в ядро, где гипертрофированы внушаемость и реактивность.

Чтобы конкретные примеры были понятнее, сразу сделаю существенную оговорку. Стихийное массовое поведение обычно сопряжено с серьезными неприятностями, и в ряде случаев приходится выбирать «меньшее из зол». Какое же именно из зол считать меньшим — это зависит от системы ценностей, политических целей и моральных качеств той группы, которая осуществляет управление.

Само собой разумеется, что цели могут быть деструктивными, а последующая оценка действий в решающей мере определяется идеологическими установками. Сколько лет нам доказывали, что погромы усадеб, разрушение церквей, убийство попов, а затем и кулаков-мироедов, грабеж имущества (В.И. Ленин: «Грабь награбленное») — все это суть пробуждение революционного правосознания угнетенных классов. А с другой стороны, кто знает, сколько бы еще продержалось крепостное право в России, если бы в 50-х годах XIX века по стране не загуляли крестьянские бунты с «красными петухами» (поджогами дворянских домов) и прочими безобразиями.

Рассмотрим некоторые приемы управления толпой изнутри.

Так, два-три агента, проникнув в ядро агрессивной (или готовой превратиться в агрессивную) толпы, имитируют испуг и распускают слухи: «Они идут! У них оружие!». Рекомендуются также по возможности сочетать это со звуками, похожими на выстрелы за углом. Под влиянием таких стимулов вместо массовой агрессии возникает массовая паника, что в конкретных случаях все-таки «лучше, чем агрессия».

Еще один вариант: внимание агрессивной толпы переносится на иной объект. В таком случае либо жертвой насилия становится не тот, на кого ярость была первоначально направлена (один из самых подлых приемов политики вообще и манипуляции толпой, в частности; хотя иногда жертвой может стать сам провокатор насилия), либо толпа из агрессивной превращается в стяжательную, что, с точки зрения социальных последствий, опять-таки «лучше, чем агрессивная толпа».

В романе А.Н. Толстого «Хождение по мукам» есть такой эпизод. Командир боевого отряда по фамилии Сорокин вызвал яростное возмущение бойцов своими сомнительными действиями. Оказавшись перед агрессивно настроенной толпой подчиненных и будучи не в силах бежать или защищаться, он мгновенно сориентировался в ситуации, выбрал в толпе самое злобное лицо, указал на него пальцем и громко закры-

чал: «Вот враг!» — и толпа набросилась на другую жертву. Сам Соркин из объекта агрессии превратился в лидера агрессивной толпы...

А вот яркий пример из нашей недавней истории. 21 августа 1991 года стало окончательно ясно, что бездарно организованный путч ГКЧП провалился и с ним закончилось 74-летнее господство КПСС. После трех дней напряженного ожидания и переживаний наступила безоговорочная победа стихийно вышедших на улицы граждан над внешне грозной, но духовно уже опустошенной властью.

Но эйфория успеха, усиливаясь по механизму циркулярной реакции, придавала массе все более выраженные свойства толпы. Толпа же, наполняясь новыми элементами и пьянея от неожиданного могущества, вожделела новых зримых побед; кое-где уже начала ощущаться жажда крови. На площади Дзержинского (нынешняя Лубянка) сосредоточились тысячи людей, среди которых усиливались призывы к штурму мрачного и ненавистного здания КГБ. Если бы такие призывы воплотились в действие, следовало ожидать очень тяжелых последствий и человеческих жертв.

В решающий момент удалось переориентировать внимание толпы с охраняемого здания на теперь уже беззащитный памятник Ф.Э. Дзержинскому, возвышавшийся в центре площади и много лет казавшийся ее абсолютно незыблемым символом. При этом были использованы не только неприязнь людей к персонажу, но также давний слух о том, что памятник отлит из чистого золота, выкрашенного сверху густой черной краской. (Якобы, таким образом И.В. Сталин спрятал золотой запас страны, «чтобы никто не догадался»; памятник был расположен и надзираем так, что подойти к нему и «постучать» было прежде немыслимо).

Послали за техникой, необходимой для того, чтобы снять тяжелый памятник, и толпа, в предвкушении грандиозного события, забыла об уже созревавшем намерении штурма. Сорванный с пьедестала памятник оказался не только не золотым, но и вообще не литым, а полым внутри. (Позже он лежал без присмотра на улице около Центрального дома художника, и маленькие дети ползали по его нутру, и рассеянные мамы с сердитыми комментариями вытаскивали их оттуда, чумазых и довольных...). Но толпа получила незабываемое зрелище. И то, что доминирующее эмоциональное состояние удалось своевременно переключить с ярости на любопытство, спасло не одну человеческую жизнь...

Более разнообразны приемы воздействия на толпу извне. Самый известный из них — опять-таки переключение внимания на другой объект. Повторю, что при этом рекомендуется ориентация, прежде всего, на периферию. Небольшая автомобильная авария, популярная в данном обществе, динамичная игра в исполнении умелых игроков, раздача или дешевая продажа дефицитных товаров и т.д. могут отвлечь значительную часть массы. Тем самым агрессивная, конвенциональная или экспрессивная толпа превращается в одну или несколько окказиональных (или стяжательных) толп, лишая ядро эмоциональной подпитки.

Встречать приближающуюся толпу рекомендуется заранее заготовленными транспарантами с лозунгами, которые резонируют с ее настроением (Свои! Не трогать!) и приятной успокаивающей музыкой. Но при этом желательно иметь наготове записи в ритме рока, которые пускаются вход в том случае, если провокаторы все же сумеют натравить толпу на «толстосумов»...

Здесь, правда, следует добавить, что противодействие различным видам толпы требует различных ритмов. Как мы видели, превращению агрессивной толпы в экспрессивную (экстатическую) способствует быстрый ритм типа рока, твиста или шейка. На паническую толпу следует воздействовать ритмом иного типа.

Прием деанонимизации как способ противодействия массовой агрессии. Как ранее говорилось, в толпе человек теряет ощущение индивидуальности, чувствует себя безличным и потому свободным от ответственности, накладываемой ролевыми регуляторами. Вдохновляющее чувство вседозволенности и безнаказанности составляет важное условие массовидных действий. Это условие нарушается приемами деанонимизации.

Некоторые американские авторы предлагали и даже такой прием: в толпе снуют хмурые личности с фотоаппаратами или блокнотами, откровенно фиксирующие самых активных индивидов. На раннем этапе формирования толпы этот прием, вероятно, может кого-то отрезвить и предотвратить экстремистские действия.

Но сегодня деанонимизация достигается более безопасными средствами. На крышах окружающих зданий размещаются хорошо заметные камеры и (или) выслаются мобильные группы тележурналистов. Демонстративные действия последних (с провешенными путями ухода от опасности) способствуют возвращению идентичности индивидам в толпе и снижению коллективного эффекта

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ АГРЕССИВНОСТИ

В настоящее время в нашей стране развернулась острая дискуссия по проблемам борьбы с преступностью.

Одной из главных тенденций называют сегодня также усиление агрессивного и циничного характера как насильственных, так и корыстных преступлений. Для борьбы с ними в последние годы мобилируются все силы общества — принят ряд важных правительственных постановлений.

Действительно, неуклонный рост за последние годы проявления вандализма и жестокости, широкое распространение таких форм организованной преступности, как угон самолетов, захват заложников, шантаж, разгул наркомании и т.п., — все это не может не вызывать обеспокоенности со стороны широкой международной общественности, обостряет интерес к изучению причин агрессии и поиску эффективных средств по ее контролю и ограничению.

Вопросы, связанные с агрессией, были и остаются предметом постоянных обсуждений на многих международных форумах.

Среди существующих сегодня моделей описания и объяснения природы человеческой агрессии можно выделить, в качестве наиболее популярных, следующие: инстинктивистские концепции, берущие свое начало еще от З. Фрейда и включающие более поздние социально-этологические построения К. Лоренца и ряда его последователей; теория фрустрации и ее современные варианты (драйв-теории); теории социального научения и другие.

Согласно наиболее ранней и, по-видимому, одной из самых распространенных в свое время точек зрения такое поведение главным образом инстинктивно по своей природе. Вплоть до первой трети нынешнего столетия в зарубежной философии и психологии было совершенно обычным объявлять в качестве основы любого образца человеческого поведения инстинкты. Эта идея была особенно сильна в американской науке, где она идет еще от У. Джеймса, У. Макдаугалла и других. Так, У. Джеймс говорил об инстинктах подражания, соперничества, драчливости, сострадания, охоты, страха, созидательности, игры, приобретения, любопытства, общительности, скромности, любви и т.д.

По мере дальнейшего развития наук о человеке возрастали требования к предсказательным и объяснительным способностям той или

иной теории, и инстинктивистская психология постепенно дискредитирует себя как учение о неких воображаемых силах. Как пишут сегодня западные исследователи, признание того, что в основе какого-то поведения лежит инстинкт, не помогает предсказать, проявит или нет себя данное явление в определенных обстоятельствах, и в этом смысле не способно ничего объяснить.

В истории социальной психологии и социологии XX ст. существовало немало попыток приписать предполагаемому агрессивному инстинкту главное место в жизни общества. Вспомним хотя бы А. Адлера, который ещё в конце 20-х гг. попытался вывести поведение людей из одного доминирующего инстинкта, обозначенного им как «воля к власти». Значительно позднее, в 60-е гг., такие попытки реанимировал Р. Ардри, стремившийся все человеческие действия свести к инстинкту обладания или собственности, так называемому территориальному императиву.

В настоящее время наиболее известными из всех разновидностей подобных теорий, оказавшими значительное воздействие на современные взгляды, и представления об агрессии, являются психоаналитическая модель З. Фрейда и социально-этологическая К. Лоренца.

Если у З. Фрейда агрессия характеризуется как результат перенаправленности самодеструктивного инстинкта смерти, то у К. Лоренца она проистекает из инстинкта борьбы, якобы спонтанно возникающего и аккумулирующегося в организме непрерывно.

К. Лоренц считает, что проявление внешних действий зависит как от количества накопленной агрессивной энергии, так и от присутствия и силы специфических стимулов, освобождающих эту энергию в непосредственном окружении. Чем больше ее количество аккумулировано в организме, тем более слабого стимула оказывается достаточно для того, чтобы она вырвалась наружу. Такое поведение, по К. Лоренцу, может возникнуть и спонтанным образом при полном отсутствии каких-либо стимулов.

Общая черта всех инстинктивистских теорий состоит в том, что агрессия рассматривается здесь как возникающая, главным образом, из врожденных факторов. Такое признание логически ведет к утверждению о том, что враждебное поведение невозможно элиминировать (З. Фрейд), в лучшем случае его можно перенаправить в более безобидное русло (К. Лоренц), что тоже, однако, оказывается весьма проблематичным.

Выходит, ни удовлетворение основных потребностей, ни устранение социальной несправедливости, ни другие перемены в общественной жизни не приведут к предотвращению губительных преступных импульсов. Они, якобы, всегда будут с человеком, поскольку выступают в роли интегративного элемента его природы.

Концепции врожденной человеческой агрессивности были подвергнуты в свое время обстоятельной и аргументированной критике как отечественными, так и зарубежными учеными.

В конце 70 — начале 80-х гг. понятие спонтанно протекающей агрессии отвергается большинством исследователей. Такие ученые, как Р. Барон, Р. Денкер, А. Монтегю, Дж. Раттнер, Х. Сельге, З. Футурум и многие другие выступают с последовательной критикой такого представления, считая, что оно освобождает человека от ответственности, делает его рабом самой реакционной идеологии, демонстрируя биологическую необходимость авторитарных социальных систем.

Наиболее общим и широко разделяемым сегодня за рубежом утверждением о природе и детерминантах человеческой агрессии является утверждение о том, что агрессия проистекает из соответствующего мотива или драйва, то есть, повышенного состояния возбуждения, которое может быть уменьшено через внешние враждебные акты. Сам же этот драйв, как побуждение причинять вред или наносить повреждения другим, обуславливается различными условиями окружающей среды.

Существует несколько вариантов так называемых драйв-теорий, а среди их приверженцев можно назвать таких авторитетных сегодня ученых, как Л. Берковитц, Р. Джин, Э. Доннерштейн, С. Фешбек и другие.

Многие исходные принципы, основополагающие идеи и понятия этой ориентации были заложены полстолетия назад в рамках сформулированной тогда теории фрустрации. Поэтому современные драйв-концепции называют часто ее модификациями. О широком распространении этой теории за рубежом свидетельствуют многочисленные высказывания американских и западноевропейских ученых. Более того, в ряде работ ее называют мощным стимулом для развития большинства современных исследований по теме агрессии. И действительно, в противовес часто умозрительным и спекулятивным инстинктивистским концепциям тех лет гипотеза фрустрации-агрессии во многом положила начало интенсивным экспериментальным исследованиям, которые длились в течение ряда десятилетий.

Человеческая агрессивность объективно относится к тому классу фактов общественной жизни, которые могут быть изучены только при помощи объединенных усилий целого ряда научных дисциплин — естественных и социальных. На определенном этапе становления исследований необходимое накопление достоверных и тщательно проверенных данных возможно только в рамках строгой дифференциации, когда каждая из наук оперирует исключительно свойственными ей методами, абстрагируясь от того, что происходит в соседних областях знания. Такой специализированный подход даёт блестящие результаты и является до определенного времени чрезвычайно продуктивным. Так, в рамках ряда естественных наук — биологии, биохимии, нейрофизиологии, генетики и других, были сделаны открытия, позволившие начать систематическое изучение самых глубинных детерминант агрессивного поведения — его биологических субстратов и их влияния на поведение людей и животных. Значительные результаты были получены в поисках локализации центров, управляющих агрессивными реакциями, исследование которых невозможно сегодня без привлечения таких дисциплин, как молекулярная биология, цитогенетика, нейрохимия, психоэндокринология и т. д.

Эндокринологи, в частности, внесли большой вклад, научившись определять уровень различного рода гормонов, и их влияние на психику и поведение человека и животных.

Тем не менее важны здесь и социальные науки, ибо вне общества и культуры понять агрессию просто невозможно.

ТЕРРОРИЗМ — ОДИН ИЗ ЛИКОВ ВОЙНЫ МИРОВОЙ ДЕРЕВНИ С МИРОВОМ ГОРОДОМ

Дело в том, что каждая цивилизация, культурная традиция, мировая религия, являясь частью человечества, притязает на звание целого. Она если не весь мир, то центр мира. Эта фундаментальная иллюзия может существовать устойчиво до тех пор, пока историческая реальность не внесет свои коррективы.

Многие пишут о страхе человеческой ничтожности как двигателе терроризма. Ничтожность или величие чего-либо — суждение ценностное. Объективных критериев здесь не существует, и каждая культура

создаёт комфортную для своих адептов картину мира. Люди традиционной культуры готовы жить в нищете и социальном убожестве, но они должны знать, что «их боги» торжествуют.

Вопросы возникают тогда, когда обнаруживается, что в мире происходят вещи, нарушающие стройное здание традиционного космоса. Проблема эта существует веками, если не тысячелетиями, и состоит в конфликте между верностью своим богам, то есть врождённой культуре, и очевидным превосходством «других» — экономическим, военным, общекультурным. Если «наши боги» истинны и всемогущи, то почему иноверцы, язычники, безбожные агаряне побеждают, живут лучше, надменно похваляются своим богатством и могуществом?

В этом конфликте содержится страшный, часто смертельный вызов собственной культуре. С начала эпохи модернизации, то есть с XVI в., описанный нами конфликт разворачивается непрерывно. Сначала католики обнаружили, что протестанты успешнее и сильнее на поле боя. Та же проблема встает перед православными, китайцами, японцами, частью исламского мира. Сегодня она стоит во весь рост перед наиболее застойными и традиционными обществами исламского мира.

Терроризм — восстание против истории. Террористы воюют с императивом вечного изменения, воюют с динамикой. Это битва со временем во имя мифической Вечности, где наши Боги, наше видение мира, цели и смысл человеческого бытия восторжествуют.

Наконец, терроризм — один из ликов войны Мировой деревни с Мировым городом. Этот лик мы видим в одном ряду с крестьянскими войнам и народными восстаниями (Мюнцер или Болотникова) или крестьянскими революциями XX в. — большевистской в России, хомейнистской в Иране. Особенность подобных движений состоит в том, что в стратегической перспективе они всегда проигрывают.

Проиграет и терроризм.

Идейного террориста действительно нельзя подавить или запугать, но можно соблазнить. И здесь мы подходим к самому интересному сюжету. Терроризм — оружие традиционных и слабомодернизированных обществ, обращенное против общества модернизированного. Условия разворачивания террористической деятельности — наличие в обществе-объекте не подконтрольных власти СМИ, высокая стоимость человеческой жизни и, наконец, зависимость власти от общественного мнения. Терракт совершается не ради непосредственного ущерба противни-

ку (это диверсия), но ради общественного резонанса. Он предполагает возможность деморализовать общество в стране-объекте и через общество повлиять на политическое руководство страны. Как и всякая осмысленная деятельность терроризм подчиняется критериям эффективности. Ресурсы и усилия, вложенные в теракт, должны принести максимальный резонанс.

Точный выбор объекта, не менее точный выбор момента совершения теракта, знаково-символические аспекты действия — все это определяет меру общественного резонанса, а значит, совокупный эффект акции. Вспомним наиболее резонансные теракты в России — Волгодонск, Дубровка... Захват роддома, театра, школы, взрыв в московском метро — всё это были глубоко продуманные акции. Иными словами, успешное ведение террористической кампании предполагает знание природы современного общества, понимание общественной психологии, законов функционирования экономики, политических механизмов и т.д.

В террористическом сообществе обнаруживаются две группы: исполнители (шахиды, взрывотехники, инструкторы) и компетентные руководители — идеологи, теоретики, организаторы, способные планировать и направлять. Идею исполнителя можно только уничтожить, желательно до совершения теракта. Что же касается руководителя, то в широкой перспективе эта категория людей претерпевает любопытную метаморфозу. Исполнитель демонизирует и не понимает культуру противника, идеолог постигает и отвергает. Но чем эффективнее будет противодействие терроризму, тем тоньше и изощреннее надо работать террористам, тем глубже они должны постигать объект своего противостояния, жить в обществе противника, осваивать его интеллектуально и эмоционально, проникаться его духом, учиться быть неразличимыми, сливаться с толпой онтологических противников. При этом, чем глубже элита террористического интернационала будет постигать природу своего противника, тем более в ее глазах проблематизируется и, наконец, обесмыслится задача разрушить этот мир. Такова неумолимая диалектика истории.

Вспомним, в ряду прорабов перестройки, людей 1991 г. и деятелей постсоветской эпохи, выделяется большая группа специалистов, профессионально занимавшихся Западом. Академические ученые, работники спецслужб, дипломаты, журналисты, аналитики, посвятившие свою жизнь изучению онтологического противника, раньше других со-

ветских людей осознали обреченность советской модели и возглавили переход к исторически более перспективному пути развития общества. Эволюция этой группы отечественных интеллектуалов глубоко закономерна. Подобную эволюцию пережила элита франкистской Испании, она предстоит элите Ирана, ряда других стран. Решение проблемы терроризма предполагает два стратегических направления действий.

Прежде всего — создание эффективной антитеррористической службы, противостояние и предупреждение терроризма на всех уровнях.

Второе направление — энергичное размывание традиционных и застойных обществ, перетаскивание их через порог модернизационной трансформации, разворачивание информационной и экономической глобализации.

В ближайшее время будет всплеск террористической активности, но затем проблема терроризма снимется вместе с размыванием застойных традиционных обществ.

Кроме того, уже в детстве приходит самоощущение «мы — другие». В итоге в обществе сосуществуют, подобно кирпичной кладке без цемента, не только параллельные культуры, но параллельные цивилизации с разной степенью идеологизированности. Не нравится один мир - перейди в другой.

Существование террористических ячеек, состоящих из молодых европейцев, принявших в юности ислам, причём выбравших не столько веру, сколько идеологию, отражает эволюцию ещё одной проблемы, актуальной для современного общества. Чем помочь тем молодым людям, которые неспособны направить свою энергию в мало-мальски конструктивное русло, тем, путь которых всегда лежит «по обрыву да над пропастью»? Как отвратить буйные юношеские головы от идей экстремизма?

Терроризм, а значит и революционность не являются по самой своей природе проявлением социальности или установлением справедливости — но духовно-мировоззренческим и даже психологическим понятием. И все декларации о народе, о его чаяниях, о том, что «душа страданиями народа уязвлена стала», — не более как идеологическое оправдание своих действий.

Терроризм и революционность, как правило, являются уделом людей маргинальных, не находящих иных способов заявить о себе и самоутвердиться в обществе. Иногда уделом и интеллектуалов уверовавших

в случайные социально-экономические теории, в универсальность, или, говоря словами А. Блока, «экономических доктрин», исключающих духовную природу человека, далеких от народного самосознания и народной культуры. В доказательство этого можно прибегнуть к мудрости М. Монтеня, писавшего, что невежество бывает двоякого рода: одно безграмотное, предшествующее науке, другое — чванное, следующее за нею («Опыты», Издательство академии наук СССР, М.; Л., 1958 г.). Иван Бунин, изведавший все превратности революционного времени, с понятной злостью писал в «Окаянных днях»: «Это род нервной болезни, а вовсе не знаменитые «запросы», будто бы происходящие от наших «глубин».

Современный террорист гонится за удовлетворением не материальных, и даже не социальных, но экзистенциальных потребностей».

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ». СТОЛКНОВЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НУЖНО ПРОТИВОПОСТАВИТЬ ИХ ДИАЛОГ

В чем состоит главная цель терактов с точки зрения их организаторов? Не в том, конечно, чтобы уничтожить несколько десятков (или даже сотен) людей — такой урон для врага малоощутим. Цель в ином — запугать, посеять страх, обессилить этим страхом противника. Сегодняшний террор стремится не столько запугать врагов, сколько воодушевить единомышленников: противник не так уж всемогущ, всеведущ, мы-то будем покруче! Вероятно обе цели сосуществуют.

Откровенный диалог культур, равно как и слишком тесное их сближение, почти всегда ведут к конфликту, в котором проигрывающая сторона рано или поздно берется за оружие.

Идеальным, таким образом, представляется мир, состоящий из моноэтнических (однонациональных) государств, контакты между которыми сведены к минимуму. Пусть даже не идеальным, но в определенной степени избавляющим от вражды и конфликтов.

Так что же — безысходность непреодолима? И дело вовсе не в такой «мелочи», как конфликты с мигрантами (некоторые вполне демократические и либеральные режимы уже вводят правила, ограничивающие приток в страну мигрантов). И не в идущей быстрыми темпами

глобализации (антиглобалисты — на помощь!). Дело в том, что вся история человечества есть история миграций. А однопациональные государства — иллюзия возникшая в конце XIX в. Она стимулировала национально-освободительные движения в ряде стран Европы, привела к распаду империй и образованию государств, ошибочно представлявшихся их основателям национальными.

Так что разделение народов и цивилизаций железными (или какими-нибудь иными) занавесями невозможно.

Апокалиптическая картина грядущего «столкновения цивилизаций» грозящая человечеству гибелью или, в лучшем случае, культурной деградацией, вызывает не только ужас, но и стремление этому противостоять. Вызов времени — столкновению цивилизаций противопоставить их диалог. В чем при этом может состоять долг международного учёного сообщества? Вероятно, все-таки в том, чтобы на исторических примерах проанализировать, при каких обстоятельствах и по каким причинам встречи цивилизаций (а их в истории несчесть) приводят к столкновению или, напротив, к диалогу (и даже взаимному обогащению). И хотя уже многократно повторялась банальная мысль о том, что история человечества учит только тому, что она никого ничему не учит, мы продолжаем пристально вглядываться в прошлое в надежде найти там ответы на животрепещущие вызовы современности.

На рубеже первого и второго тысячелетий набеги и грабежи викингов (датчан и норвежцев) наводили ужас на всю Европу. Проникновение варягов — свеев (шведов) на Русь было гораздо менее кровавым - торговые экспедиции в Византию и на Восток, небольшие ватаги воинов, которые не столько воевали со славянами, сколько поступали на службу к их князьям и довольно скоро ославянивались. В чем причина этой разницы: неодинаковые условия в Западной Европе и на Руси или отличия между западными и восточными скандинавами?

XVI — XVIII вв. датируется колонизация европейцами Америки, русскими — Сибири. Почему столь различны оказались результаты этих встреч цивилизаций? В Северной Америке практически полное уничтожение аборигенов. В Южной Америке — интеграция и возникновение новых народов (новой цивилизации). В Сибири — сохранение аборигенных малочисленных народов без слияния их с русскими.

В Средние века арабская мусульманская культура уживалась и даже плодотворно сотрудничала с христианской и иудейской — в противо-

положность сегодняшним реалиям. В чём причина этого кардинального различия?

Чтобы ответить на эти (и другие) вопросы, необходимо проанализировать множество составляющих. И в конечном итоге... предложить только гипотезы. Но, как известно, для продвижения вперед в поисках истины иногда самым важным бывает правильно поставить вопросы.

Толерантность значит терпимость. Но не только. Слово это означает так же желание (и способность) понять, может быть, принять, то есть признать право на существование обычаев, нравов, взглядов, отличающихся от твоих собственных.

О неприязни, даже ненависти к «чужим» (чужакам) не перестают твердить СМИ. Но, поговорим о «своих» и «чужих» спокойно. Прежде всего надо понять, что люди всегда выделяют своих — и это никак не связано с неприязнью (и тем более — с ненавистью) ко всем остальным. Любовь к собственным детям не означает неприязнь к детям соседа. Маму любят не потому, что она умнее или красивее «чужих мам», а потому, что она «моя». «Своей» может ощущаться группа. Лицейсты пушкинского выпуска на всю жизнь сохранили это чувство: «нам целый мир чужбина, отечество нам — Царское Село» (первую часть этой фразы Мелихов сделал названием своего романа). «Своими» в конце XIX в. считали друг друга интеллигенты, которых объединяло стремление «служить народу». В первой волне русской эмиграции выпускники кадетских корпусов составляли особое братство.

Конечно, «своими» становятся и по национальному признаку. Особенно это ощущается, если своих мало (в эмиграции, при жизни в диаспоре, просто при малочисленности народа), а также вследствие дискриминации, или из чувства обиды. Из обиды непременно рождается ненависть. К счастью, не всегда. Простейшее выражение чувства обиды звучит так: «Они нас не любят». И совсем необязательно это превращается в «мы их за это ненавидим». Такое превращение обычно не происходит спонтанно (кроме совсем уж патологических случаев), а бывает следствием агитации или провокации. Даже, когда явно не любят «чужаков», речь идет не столько о ненависти, сколько о страхе. Именно таков буквальный смысл слова ксенофобия.

Кто же провоцирует ксенофобию? Понятное дело — всякие дрянные люди, расисты, «фашисты» (кавычки ставим потому, что слово это потеряло у нас реальный смысл, превратилось просто в ругательство).

Если бы только они! Ужас состоит в том, что самыми действенными, а потому и наиболее опасными в этом отношении провокаторами невольно становятся искренние борцы с этой самой ксенофобией. Чего стоят одни проводимые то тут, то там «марши ненависти». В сознание стороннего наблюдателя впечатывается: за ненависть борются, а против чего именно, от внимания ускользает.

Не любите друг друга, считаете несовместимыми свои культурные установки — не ходите в гости, не дружите семьями, не женитесь на «чужих». Но не оскорбляйте! Тем более — не убивайте!

Вероятно, невозможно воспитать людей так, чтобы никто не испытывал чувства ревности (и не нужно!). Но не убивайте (и не избивайте) неверных жен!

Воспитывайте детей, если считаете это полезным, в строгости. Но без рукоприкладства!

Агрессивности слишком много в мире. Воспитанием, пропагандой (или — проповедью — уж кому какой термин больше нравится!) постараемся по возможности постепенно снижать ее уровень. И, наверное, не стоит так уж категорично сосредотачиваться на одном виде агрессивности — по национальному признаку, это только множит обиды, часто провоцирующие конфликты, противостояние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удивительным образом сегодняшнее необходимое единение против угрожающей всем опасности открывает перспективу создания единого мирового государства со стремительно нарастающим в нем контролем спецслужб. И как бы под предлогом подавления терроризма они не начали подавлять всякое неудобное им сопротивление.

Как не вспомнить январь 1991 г., когда тогдашний президент США Буш-старший объявил начало войны в Персидском заливе. «Ставкой в этой войне, — сказал он, — является не просто одна маленькая страна (Кувейт). Здесь великая идея, идея «Нового Мирового Порядка». Эти слова, за которыми последовало убийство тысяч мирных людей, совпадают со знаменитыми хвастливыми речами Гитлера и с коммунистическими обещаниями «светлого будущего» человечества, обернувшегося кошмаром. У нас это словосочетание «новый мировой порядок» вызывает ассоциацию с грядущими мировыми катастрофами. «Мир и безопасность» единого мирового правительства могут внезапно обернуться «пагубой» для всего человечества. Пока не ясно, стремление к мировому господству продиктовано или оно благими намерениями, или обыкновенной жадностью. Где враг, по которому следует наносить «точные, предельно точные удары»? Давно ли мы были свидетелями «точных ударов» по Белграду и Косово с бомбами, на которых было начертано пожелание «счастливой Пасхи», убивающие женщин, стариков и детей, разрушающие древние православные монастыри и храмы? Америка — единственная держава, «имеющая право» вести себя как угодно в «любой точке» земного шара под предлогом защиты своих национальных интересов. Поразительнее всего, что они принуждают мировое сообщество признать правомерность своих действий. Какое удивительное пророческое слово об Америке сказал в XIX в. Диккенс: «...самый сокрушительный удар по свободе будет нанесен из этой страны». Америка в течении десятилетий навязывает всему миру через телевидение и массовую культуру пропаганду взрывов, насилия и всякого рода преступлений, пропаганду безнравственности и сатанизма. И здесь мы

должны, в первую очередь, подумать о судьбе Отечества. Ведь за нравственной гибелью народа неизбежно следует его физическая гибель.

Вооруженный пропагандой растления «новый мировой порядок» уже оформляется на земле, используя военные, политические и экономические методы: рост военной мощи США, политическое влияние Израиля, Евросоюз, недавняя агрессия против Ирака, Сербии, «акции возмездия». Что ждет нас в ближайшем будущем при нынешней агрессии растления наших детей, если мы не поставим ее, по крайней мере, в один ряд с международным терроризмом, с преступностью в государственных масштабах?

Неужели кто-то сомневается, что на место одних уничтоженных террористов придут новые, еще более изобретательные и жестокие? При этом само государство, отменяя все нравственные запреты, готовит их.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бехтерев В.М.** Роль внушения и общественной жизни. В кн.: Бехтерев В.М. Гипноз. Внушение. Телопатия. — М., 1994.
2. **Бехтерев В.М.** Коллективная рефлексология. В кн.: Бехтерев В.М. Избранные работы по общественной психологии. — М., 1994.
3. **Вельдер Р.** К вопросу о феномене подсознательной агрессивности // Общественные науки и современность. — 1993. — №№ 3-4.
4. **Вундт В.** Задачи и методы психологии народов. В кн.: Социальная психология: Хрестоматия. — М., 1999.
5. **Гундаров И.А.** Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5.
6. **Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т.** Неформальная политическая коммуникация. — М., 1996.
7. **Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т.** Общественное мнение в системе информационно-психологической безопасности. В кн.: Проблемы информационно-психологической безопасности. (Сборник статей и материалов конференции). — М., 1996.
8. **Лайнбирджер П.** Психологическая война. — М., 1962.
9. **Лебон Г.** Психология народов и масс. — СПб., 1995.
10. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое зло). — М., 1994.
11. **Максимов А.А.** «Чистые» и «грязные» технологии выборов. — М., 1999.
12. **Миртов Ю.И.** Беспорядки на стадионе: попытка научного подхода к проблеме // Теория и практика физической культуры. — 1988. — № 2.
13. **Московичи С.** Век толп. — М., 1996.
14. **Назаретян А.П.** Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи // Общественные науки и современность. — 1998. — № 1.
15. **Назаретян А.П.** Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности. В кн.: Материалы всесоюзного симпозиума «Актуальные проблемы социальной психологии». — Часть 1. — Кострома, 1986.
16. **Назаретян А.П.** Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, психология и Футурология). — М., 2001.
17. **Прангишвили А.В.** Социальная психология паники в свете понятия установки. В кн.: Прангишвили А.В. Исследования по психологии установки. — Тбилиси, 1967.
18. **Хлопьев А.Т.** Групповое и массовое сознание в поле слухов. В кн.: Проблемы информационно-психологической безопасности. (Сборник статей и материалов конференции). — М., 1996.
19. **Чижевский А.Л.** Физические факторы исторического процесса. — Калуга, 1924 (Переиздание — 1991).

СОДЕРЖАНИЕ

Стихийное массовое поведение: понятие, социальный феномен и предмет исследования	1
Толпа и закономерности ее поведения. Понятие толпы. Механизмы поведения толпы	4
Циркулярная реакция и коммуникация	6
Виды толпы	9
Основное свойство толпы	12
Приемы управления и манипуляции	14
Анализ основных теорий агрессивности	18
Терроризм — один из ликов войны Мировой деревни с Мировым городом	21
«Свои» и «чужие». Столкновению цивилизаций нужно противопоставить их диалог	25
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	29
ЛИТЕРАТУРА	31

Учебное издание

Котлярова Элина Вячеславовна
Тугай Олег Николаевич

ПСИХОЛОГИЯ
МАССОВЫХ ЯВЛЕНИЙ
И ТЕРРОРИЗМА

Методические материалы
к курсу лекций

Технический редактор *А.Н. Гладун*
Компьютерная верстка *А.Л. Позняков*
Корректра авторская

Подписано в печать *31.03.2008*.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman Суг.
Усл.-печ. л. 2,1. Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 80 экз. Заказ № *148*.

Учреждение образования “Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова”, 212022, Могилев, Космонавтов, 1
ЛИ № 02330/278 от 30.04.2004 г.

Отпечатано на ризографе отдела оперативной полиграфии
МГУ им. А.А. Кулешова. 212022, Могилев, Космонавтов, 1